Выходитъ що пятни-
цы во Львовѣ. Цѣна
на рокъ съ почтою
4зр. 40кр. ср. полр.
2 зр. 20 кр. чвртр.
1 зр. 10 кр. на мѣ-
стци 4 зр.

Предплата отбираетъ
ся въ бюрѣ дирек-
ціи книгопечатной
Института Ставро-
пигіянского.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 33. Львовъ, 10 Серпня 1856. РОКЪ XI.

КОРОЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ

III. ЯРОСЛАВЪ.

Извѣщаю славную вамъ повѣсть,
О стычкахъ, бояхъ великихъ, лютыхъ.
Слухайте и весь свой умъ сбирайте,
Слухайте, будете дива чули!

Въ волости, гдѣ Оломуцъ предводитъ,
Есть тамъ горка, горка невысока,
Невысока, ей имя Гостайновъ;
Матерь Божья тамже дива творитъ.

Долго волость наша въ мирѣ была,
Долго межь людьми обилье цвило;
Ажь востала отъ востока буря,
Встала для Татаровъ Хана дочки,
Що то Христіяне про камики
Золото и перлы погубили.

Дочь Кублая, красна яко мѣсяцъ,
Чула що на западѣ суть власти,
И що въ тѣхже властяхъ много люда;
Отправляетсь видѣти ихъ нравы.
И десять юношъ на ноги скочитъ
И двѣ молодыхъ дѣвъ къ ей проводу.
Нагорнули, чего треба было,
Посѣдали всѣ на борзы кони,
И спѣшили, гдѣ заходитъ солнце.

Якъ Зоря заутрення сіяетъ,
Коль взойдетъ надъ мрачными лѣсами,
Такъ сіяла дочь Кублая Хана
Стройной и родною красотою.
Была овлеченна въ златоглавѣ
Бѣле горло, нѣдро обнажила,
Дорогимъ вѣнчалася каменьемъ.

Красотѣ той Нѣмцы удивились,
Позавидовали ей богатства,
Стерегли ей пути, ей дороги,
И напали ю посередъ лѣса;
Тутъ убили и всѣ скарбы взяли.

Скоро лишь услышалъ Ханъ Татарскій,
Що ся съ дорогою дочкой стало,
Со всѣхъ волостей сбираетъ войско
И спѣшитъ, гдѣ поспѣшаетъ солнце.

Короли на заходѣ узнали,
Що спѣшитъ Ханъ въ волости ихъ людны;
Борзо ся стрѣчаютъ другъ со другомъ,
Собираютъ превелике войско.
И противо него тягнутъ въ поле;
На ровнинѣ таборъ роскладаютъ,
Роскладаютъ, Хана ожидаютъ.

Кажетъ Ханъ своимъ всѣмъ чародѣямъ,
Чорнокнижникамъ и звѣздочетамъ,
Дабы ворожили и вгадали,
Щобы за конецъ имѣлъ бой взяти.
И собралися всѣ чародѣи,
Чорнокнижники и звѣздочеты,
На двѣ части съ кола розступились,
На землѣ тросты чорну положили,
И ю на двѣ полы розщепили.
Перву именемъ Кублай назвали,
Второй королей имя надали,
И надъ тѣмъ старыми словы пѣли.
Стали трости обѣ воевяти,
И Кублаева трость одолѣла.
Симъ возрадовалися всѣ люди,
Каждый до коня своего скочитъ,
И у рядъ поставилися вои.

(П. с.)

ТРИ ПРЕХОРОШІИ ПОȢЧЕНІЯ

УГОРСКАЯ НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ.

(продолженіе)

На тое отповѣлъ емȣ воспитатель: Сынȣ мой! теперь въ истинȣ жена твоя тебе болѣе не побьетъ. И даетъ емȣ деньги на дорогȣ, и сопровождаетъ его кȣпно съ воспитательницею за городъ. Прощая ся съ нимъ сказалъ тѣ слова: „Никогда не лишайся битой дороги для не битой; вступая въ гостиницȣ, если оувидишь хорошȣю молодȣ господиню, а старого господаря, или молодого господаря а старȣ господиню, тогда тамъ не ночȣй; гнѣвъ надъ вечеромъ оставь на завтра, а гнѣвъ ранѣшній на вечеръ!“ — Юнакъ все тое глȣбоко въ своемъ сердцѣ скрывши, благодарилъ своихъ добродѣтелей и спрощалъ ихъ. — Возвращаясь въ родинȣ встрѣчаетъ два дорогими товарами нагрȣженны возы, и заговорилъ до кȣпцевъ, которыи его родимцами были. Возы медленно качалися, потомȣ хотѣлъ ихъ лишити; но кȣпцы, которыхъ восемь было, на каждомъ возѣ четверо и одинъ еще фȣрманъ, а при каждомъ возѣ семеро коней — стали оусердно просити, чтобъ съ ними лишился. По ихъ волѣ влѣзаетъ онъ на возъ. Стало оуже смеркатись, когда до польной дороги прибыли. Поѣдемъ сюда, говорили кȣпцы, такъ отшибнемъ добрый кȣсень дороги. Родимцы, примѣчаетъ молодикъ, никогда не должно битой дороги для не битой лишатися; но не возмогъ ихъ къ томȣ наклонити. посемȣ слѣзши сказалъ: Мы оуже снова оувидимся, однакожъ не отстȣпаю отъ битой дороги.

Розлȣчившися отъ нихъ оусѣлъ молодикъ и сталъ роздȣмывати въ оуединенїи, къ томъ слышно наразъ крикъ въ лѣсѣ, безъ сомнѣнія, мыслитъ себѣ, напали кȣпцевъ розбойники, сего ради вытагаетъ орȣжія, которыхъ при себѣ носилъ, и стремится въ томъ направленїи, откȣда крикъ роздавался. Пришедши на мѣсто лежали оуже два кȣпцы забиты; но когда юнакъ замахнȣлся, всѣ розбойники оубѣгли. А что? — рекъ онъ — не говорилъ ли я вамъ, что съ битой на не битȣю дорогȣ съѣзжати не должно? Право ты говорилъ, отвѣтили кȣпцы; за наградȣ нашего избавленїя выбери себѣ одинъ возъ, который лишь тебѣ оугодный. Молодикъ сдѣлалъ тое, оусѣлъ на возъ и снова поѣхали далѣе.

Теперь держалися гостинца, и приспѣли до одной гостинницы. Тȣтъ, говорили кȣпцы, заѣдемъ, ибо здѣсь есть хорошая господиня, оу которой мы неразъ оуже ночевали. Мы заночȣемъ, говорилъ молодикъ, гдѣ менѣ оугодно бȣдетъ. Но нїякимъ способомъ не дали себѣ вытолковати, и заѣхали въ подворье. Шесть кȣпцы (понеже двохъ розбойники забили) постелили себѣ въ комнатѣ; юнакъ же остался на дворѣ съ фȣрманомъ и кȣпно съ нимъ постелилъ себѣ подъ возомъ. Въ полночь наразъ въѣзжаетъ верховцемъ нѣкїй человѣкъ въ волчей бȣндѣ, и припинаетъ коня до воза осматриваясь, спютъ ли они, которыи такъ притворились, якобы спали. Потомъ отходитъ той человѣкъ въ волчей бȣндѣ до окна господини, и пȣкаетъ. Вскорѣ и появляется корчмарка, починаютъ цѣловатись и отходятъ въ огородъ за домомъ. Оный человѣкъ снялъ изъ себе бȣндȣ; юнакъ же вылѣзши исподъ воза подкрался и оутялъ одинъ кȣсокъ съ края тойже. Когда человѣкъ возвратился, пошелъ съ корчмаркою въ домъ;

по нѣкомъ часѣ снова выходитъ и сѣдаетъ на конѧ, но томꙋ также отрѣзалъ юнакъ крайчикъ отъ оуха. Въ два часа послѣ того становитсѧ крикъ въ хижинѣ, господинѧ голоситъ и жалꙋетсѧ, что кꙋпцы ей мꙋжа забили. Около гостинницы роспростиралисѧ великіи хꙋторы, съ тѣхъ то сбѣгаютсѧ тотчасъ люди и важꙋтъ кꙋпцевъ, чтобъ ихъ въ городъ, одною лишь милю отстоѧвшій отвести. Тотъ господинъ, говорила корчмарка оуказываѧ на юнака, не былъ даже въ покоѣ, тотъ свободно можетъ съ своимъ возомъ отъѣхати. О нѣтъ, — отвѣтилъ юнакъ, и ꙗ пойдꙋ въ городъ, мнѣ надобно знати, что съ ними сбꙋдетсѧ. Итакъ сѣдаетъ въ свой возъ, дрꙋгій же возъ съ всѣми товарами попроважено въ столичный домъ.

Когда юнакъ на опредѣленное мѣсто пришелъ, тотчасъ оумолѧлъ столичныхъ совѣтниковъ, чтобъ изслѣдывали, чіѧ правда. Вскорѣ прикликано женꙋ и кꙋпцевъ. Жена присѧгала на все, что ей лишь дорогимъ и милымъ было, ꙗковы тое кꙋпцы сдѣлали; сіи же божилисѧ, что невинно сію клеветꙋ и порꙋганіе сносѧтъ. Тогда сталъ юнакъ говорити: Ꙗ докажꙋ, кто еѧ мꙋжа забилъ. Не кто иный, ꙗкъ оный человѣкъ, который до корчмы по одинадцатомъ часѣ верховцемъ пріѣхалъ. Вопервыхъ осматривалъ онъ, спимъ ли мы; ꙗ же кꙋпно съ фꙋрманомъ притворилсѧ спѧчимъ. Здѣсь розсказꙋетъ, что сбылосѧ, ꙗкъ онъ одинъ кꙋсокъ отъ бꙋнды и также отъ оуха конѧ отрѣзалъ. Но понеже тогда осеннее времѧ было и жестокій вѣтеръ дꙋлъ, потомꙋ было при засѣданіи много совѣтниковъ въ волчихъ бꙋндахъ закꙋтанныхъ. Ꙗ дꙋмаю, продолжалъ далѣе юнакъ, таѧ бꙋнда съ отрѣзаннымъ кꙋскомъ должна здѣсь быти. Посемꙋ перетрѧсаютсѧ всѣ бꙋнды и се диво! — кꙋсокъ тотъ совсѣмъ пристаетъ до бꙋнды Предсѣдателѧ засѣданіѧ; вправдѣ было тое мѣстце зашитое, но на самомъ крайчикꙋ видны еще были кровавы пѧтна. И такъ подозрѣніе оуже было; но чтобъ еще лꙋчше дѣло тое изслѣдити, высылаютъ слꙋгꙋ, чтобъ конѧ съ отрѣзаннымъ оухомъ, если гдѣ нибꙋдь емꙋ попадетсѧ, на ратꙋшъ привелъ. Конь таковый находитъ и приводитсѧ, а на оухꙋ свѣжій еще нарѣзъ видно было. Посемꙋ оувѧзнено Предсѣдателѧ и онꙋю женꙋ, кꙋпцы же могли свободно отъити. Теперь то искренно благодарили они юнака, что ихъ отъ погибели спасъ, а кромѣ того даровали емꙋ и дрꙋгій возъ съ всѣмъ, что на немъ было, самы же пошли пѣшкомъ далѣе. (К. с.)

КАЗАНЬ И ЕГО ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ

послѣ Ц. Д. Л. Арнима

(продолженіе)

Вечеромъ снова по оугощеніи госпожа Баратинска сдѣлала предложеніе къ посѣщенію заведеніѧ длѧ воспитаніѧ бѣдныхъ дѣтей мꙋжеского и женского пола. Надъѣхавши тамъ, вышла къ намъ одна старанно пристроенна дѣвочка съ червоными оузелками на головѣ, и повитала насъ нѣсколькими словами по рꙋсски. Все видѣлось въ ꙗкъ найлꙋчшемъ порѧдкꙋ быти, но мы торопились оуйти, понеже мнѣ и почтенной моей госпожѣ особеннꙋю рѣдкость оувидѣти слꙋчилось; именно послѣ короткого пребываніѧ въ оупоманꙋ-

*

томъ воспиталищѣ, сопровождалъ насъ полицейскій чиновникъ, родомъ Татаринъ, оубранъ въ оуниформъ съ треѕгольнымъ капелюхомъ и шпадою, въ домъ одного богатого татарского кѕпца, который однакожъ на ярмарокъ до нижнаго Новгорода выѣхалъ, такъ щo мы лишь самы женщины застали.

Вообще пребываютъ жены найболѣе дома, только лишь оудивительно, щo време частого отѕтствія своихъ мѕжей въ дѣлахъ кѕпеческихъ, особенно подъ часъ Нижегородского ярмарка, на прогѕлкѕ съ своими дѣтьми и пріятельницами оупотребляютъ. Щобъ сіе, якъ нѣкоторыи говорятъ, безъ вѣдомости ихъ мѕжей дѣялось не есть вѣроятно, понеже тое общеявно дѣялось и всегда повторяется, и потомѕ не могло бы предъ ними затаитись. Оуже день передъ тѣмъ видѣли мы нѣсколько женщинъ въ огородѣ гѕбернатора, которыи съ начала передъ нами оубѣгати казались; но по частѣйшимъ кликанью и просьбѣ насъ ожидали, и даже съ нами бесѣдовали, когда нѣкоторыи изъ нихъ очень хорошо по рѕски выражаются, кромѣ одной, которая свое дитя на рѕкахъ держала, и въ никій способъ на ея дитя глядѣти соизволити не хотѣла, вѣроятно въ опасности передъ оурокáми, хотя по силамъ ся старалася кроткимъ быти въ взорѣ и бесѣдѣ. —

На сей вечеръ запросилась надлежащо госпожа Баратинска въ гостинѕ оупоманѕтого богатого кѕпца, и такъ ожидано насъ. Входъ въ первый покой не представлялъ ничего любопытного, мебли были тѣ самы, якъ обыкновенно и по иныхъ зажиточныхъ домахъ находятся, но оуже въ дрѕгомъ покоѣ видный былъ алкирь, въ немъ стояла крѕглая софа, оубранна кисейными (мѕселиновыми) завѣсками, и богато въ орїентальномъ вкѕсѣ вышита; обрѕсъ былъ изъ прекрасной шелковой и также вышиванной матеріи, наконецъ препышный коверецъ и прочіи поменьшіи домовы орѕдія припоминали совсѣмъ орїентальный типъ. Но въ послѣдней комнатѣ, которая по видимомѕ для домашнаго сожитія опредѣленна была, взносилось высокое ложе, которое прекраснымъ шелковымъ и вышиваннымъ одѣяломъ прикрывалось.

Татаринъ оный имѣлъ двѣ свѣнчанны жены, третья же емѕ померла. Обѣ жили въ найбольшемъ согласіи, щo оу Мѕсѕлмановъ въ Тѕрціи очень рѣдко слѕчается, гдѣ обыкновенно богачи лишь болѣе женъ имѣютъ, которыи въ розличныхъ комнатахъ обитаютъ, и себе взаимно якъ соль въ окѕ ненавидятъ, когда противно татарскіи жены чѕвствительного сердца быти кажѕтся. Оупоманѕтыи жены не были также однакіи годами, ибо тая впослѣдъ свѣнчанна была еще премолода, и вѣроятно въ обязанностяхъ сѕпрѕжескихъ оученица старшей. Обоихъ оуборъ былъ себѣ подобнымъ, только якъ розѕмѣется оу молодшей съ большимъ кокетствомъ розпоряженъ. Дорогіи матеріи съ широкими рѕкавами покрывали тѣло, надъ чѣмъ еще верхнее платье съ короткими рѕкавами лежало и богатство нижней одежи показывало. Пышно вышиванны пантѕфли видны были на ногахъ, но самымъ характеристическимъ, щo особенно оу молодшей жены прелестно выдавалось, былъ головный оуборъ; ибо волосы были на обѣ стороны розчесанны, и весьма стройно прилежала пестроцвѣтна шапочка съ кѕтасикомъ, въ самой лишь срединѣ швомъ передѣленна, къ о-

номѹ проборѹ (шайтламъ), и равно съ конфедератками польскихъ женщинъ, ниспадала на лѣвый бокъ. Но найболѣе привлекательнымъ было оукрашенїе задней части головы, которая шелковыми вдоль по спинѣ возвѣвающимися лентами закосиченна была, на которыхъ позолоченныи рѹбли, всегда по два и великое богатство семейное представляющїи, оувидѣти можно было. На прочїихъ драгоцѣнностяхъ, перстенахъ, цѣпочкахъ также не былъ недостатокъ. Старшая жена бѣгло говорила по рѹсски, молода же шѹтила, смѣялась, кокетовала, и не хотѣла свой темноцвѣтный покровъ, на головѣ носимый съ себе сняти, наконецъ однакожъ соизволила, щобъ ѥю близше осмотрѣти, и очень оумильно съ нами чѹжинцами постѹпала, одинъ лишь полицейскїй чиновникъ татарскїй въ входѣ комнаты стоя, не могъ ѥю незакрытѹ покровомъ видѣти. Лице ея было хорошее, только лишь слишкомъ мѣрное количество черконыхъ и бѣлыхъ красокъ, которыми татарскїи жены оукрашаются, совсѣмъ покредило ея зѹбы, такъ що въ Россїи, гдѣ бѣлыи зѹбы почти всюда видно, татарскїи жены тою несчастливою смѣшкою красокъ найбольшей женочей красоты лишаются. (К. с.)

ѴТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженїе).

Побѣднымъ рыкомъ ревѣлъ Днѣстеръ и разраженными балванами своими разрѹшалъ дѣло природы и человѣка, — на спѣнившемся хребтѣ несъ онъ бѣднѹю скотинѹ, захваченнѹю на лѹгахъ, — а вражебно зарывшися подъ берегъ, низвергалъ онъ хатины и похищалъ ихъ своею смертоносною челюстью! Такъ ниспала надъ самымъ берегомъ почивающая хата Порфирїя — въ розъигравшїися стрѹи, и несчастнымъ слѹчаемъ покатилась и его молодая жена съ отломкомъ берега въ страшнѹю пропасть.

Бѣдный Порфирїй заводилъ якъ дѣтина видачи свою женѹ въ розъяренныхъ водахъ; но скорая помочь сосѣдъ и ниспѹщенныи верви, освободили иногда рѣзвѹ сѹпрѹгѹ Порфирїя отъ неизбѣжимой погибели.

Якъ горная часть села загроженною была опасными берегами, такъ плавала нижная часть въ велитыхъ водахъ — держащихъ все животное въ печальной неволѣ; — а хота такое злоприключенїе только иногда въ десятинахъ годовъ мирнѹ долинѹ загрожало, однакожъ многи жертвы похищалъ надменный стрѹями Днѣстеръ.

Такожъ и хатина Наталїи, почивающая на самомъ нижайшемъ оуглѹ долины, погрѹзилась даже по окна въ вредливыхъ волнахъ, которыи жестоко опѹстошили ново оустроенныи зданїя. Но оная опасная влажность не только домашнемѹ ладѹ была непрїязненною, но своимъ дѣйствѹющимъ ядомъ нарѹшила здоровье оучтивой вдовицы — низверженной на ложе немощи.

Два мѣсяцы боролась Наталїя съ взмагающеюся недѹгою, — но смертная горячка и ежедневный оубытокъ силъ привели несчастнѹ вдовицѹ подъ тѣни неѹмолимой смерти. . . .

Отчаянным взоромъ смотрѣлъ Борисъ по всѣхъ изрядныхъ — но свѣтныхъ попеченїяхъ на оумирающѹ, и при-

жавши къ грȣди омлѣвающȣ Ганȣсю, чȣвствовалъ, що его трескающеесѧ сердце не возможетъ оутолити бѣднȣ сиротκȣ при послѣднемъ издыханіи матери. . . .

Еще разъ натȣжила оусыплѧющаѧ вдовица свой оумирающій чȣвствительный взоръ на свою любимȣ дочь, — несчастнȣ сиротȣ, и благословѧчи ю сердечнымъ изліѧніемъ дȣши, порȣчила рыдающȣ Ганȣсю провидѣнію Всевышнѧго Отца сиротъ и временномȣ попеченію Бориса, — и додала дрожащимъ голосомъ, дабы Борисъ загроженнȣ розличными опастностьми Ганȣсю одной родственницѣ своей, обитающей въ Станиславовѣ, конечно врȣчилъ, котора еще давнѣйше благосклонно изъѧвила, що хочетъ Ганȣсѣ подъ своимъ покровительствомъ приличное воспитаніе дати!

И помрачилось цѣлое сȣщество оумирающей, и кидаючи послѣдній блȣдѧщій взоръ въ видимый — свѣтный свѣтъ, . . . оуснȣла на вѣки.

. . . . Зелена могила и деревѧный крестъ были надеждным ъ памѧтникомъ когда-то живȣщей женщины, а плачȣщаѧ дѣвчина орошала часто холодный гробъ . . . .

О! смерте неȣмолимаѧ! чемȣ выдираешь изъ объѧтій нашихъ намъ милѣйшіи лица? чемȣ поглощаешь ненаситимымъ жертволюбіемъ неожиданно родителей изъ близости отчаѧнныхъ сиротъ? чемȣ оустрашаешь насъ въ день Воскресеніѧ стономъ гробовыхъ звоновъ — въ порȣ веселой весны твоею отвертою челюстью? — Поглощай свирѣпаѧ смерте и дальше миріѧды жертвъ, — поглощай, если ты такъ любȣешьсѧ въ сȣдорожной борьбѣ дȣши съ бренным ъ тѣломъ! Наша надежда оулетаетъ надъ онымъ крестомъ къ горѣ въ край истинной отчины, зачѣмъ ты наконецъ побѣжденнаѧ, покатишьсѧ сама, лишенна — въ безднȣ помраченнȣ! —

VIII

Было то красное оутро весенное, ранный мракъ дрȣжилсѧ съ нѣдромъ земли, а ꙗркое солнце оживлѧло радо юнȣю природȣ. —

Сȣмнаѧ Ганȣсѧ встала по послѣдній разъ изъ ложа родной хаты, и вотъ наражаетсѧ въ далекій пȣть, — въ далекій, ибо поѣдетъ съ Борисомъ до новой опекȣнки, гетъ! гетъ! въ городъ. Одѣваетсѧ въ черное жалобное платье, а въ ей дȣшѣ оумножаетсѧ чернѣйшаѧ тоска нынѣшнимъ таинственнымъ своимъ сномъ: Се лежитъ она междȣ терньемъ въ оужасной пȣстынѣ подъ малою деревиною, Жаркіи лȣчи полȣдневого солнца допекаютъ ей до крайности, а болѣзнь внȣтреннѧ соединѧетсѧ съ тѣлесною. Въ томъ скользаетъ внезапно къ ней великій пестроцвѣтный змѣй, и оустремивши свой ꙗдовитый взоръ въ оустрашеннȣ дѣвчинȣ, велитъ ей въ слѣдъ себе ити. Идетъ легковѣрнаѧ, и наразъ видитсѧ въ очаровательномъ огородѣ; сама-же блеститъ мовь чȣдомъ въ драгоцѣннѣйшихъ ризахъ, и бѣжитъ къ кристальномȣ, златоовощными деревами опоѧсанномȣ озерȣ, — оуже досѧгаетъ тое плѣнѧющее зрѣлище, ꙗкъ оный враждебный змѣй свою страшеннȣ челюсть отворилъ, и дѣвицȣ поглотити грозилъ! — Враждебный змѣй, враждебнѣйшій сонъ! . . .

„Пращайте домашніи пріѧтныи оуединеніѧ! пращайте вы чȣдесны лȣги, — и ты цвѣтникȣ, ты зеркало невинной красоты, — пращай и ты люба кȣделе по-

дрѹго вечерних мечтаній! Ахъ! пращайте вы дражайшіи сестры Еллино и Марино! пращайте! вже мнѣ не бѹдетъ возможно съ вами въ мирныхъ играхъ любоватися; — горька доля влечетъ мя противо воли моей — гдесь въ чѹжинѹ! — но такая свѧтая воля ѹсопшой матери! Въ цѣлой моей жизни бѹдетъ исполненіе ей воли важнѣйшею моею задачею. Пращай мой любезнѣйшій стрыю, истинный опекѹне! ты моя жизнь, ты дѹша моего дыханія! Твоя память неизгладится вѣкомъ въ моей благодарной грѹди!" . . .

Сердечно обняли лѣнички свою подрѹгѹ, и жалостно рыдаючи на ей шеи, попращались на долгое время съ милѣйшею Ганѹсею.

Сѣла на возъ съ Борисомъ бѣдная сиротка, и кидаючи еще разъ взоръ свой слезами прополненный на мирнѹ хатинѹ — поѣхала изъ родимого села. Вѣрный собака бѣжалъ съ сѹмнымъ ворчаніемъ за возомъ и мовь то ѹлегчалъ печальной Ганѹсѣ сѹмнѹю ей сѹдьбѹ. —

Ѹже минаютъ и село, и благоговѣйно перекрестился Борисъ передъ крестомъ, стоящимъ бѹдьто Ангелъ-хранитель при входѣ до села. Ворожебный воронъ сидѣлъ на освященномъ деревѣ, — а коли возъ мчался по при немъ, закракала птица волшебно, и полетѣла назадъ до села.

„Не добрый то знакъ," гадалъ Борисъ, и покачавши сивою головою, погналъ скорѣйше коньми, дабы хоть на дрѹгій день вечеромъ въ городъ прибыти. . .

Господскою, но добродѹшною миною приняла оная родственница Наталіи свою новѹ кліенткѹ, примѣтивши, що осиротѣвшѹ Ганѹсю вмѣсто своей покойной дочери пріиметъ, если только своими пристойнними нравами благоволеніе новой матери восхочетъ пріобрѣсти.

„Бывай же мнѣ здоровою, люба Ганѹсю!" промовилъ смятенный Борисъ, — „не ѹдаляйся и въ дальшей твоей жизни отъ пѹти невинности и добродѣтели, — отъ той добродѣтели, которѹ честны твои родичи въ твоемъ мягкомъ сердцѹ основали. Повинѹйся твоей благородной новой матери, а Богъ, тотъ благосклонный Отецъ сиротъ, не отстѹпитъ и отъ Тебе, — ибо за сиротою стоитъ Богъ съ калитою! Пращай, пращай, мой ты ангеле, моя голѹбко, мое сердце!" Тое сказавши поцѣловалъ онъ свою любимицѹ въ чело и былъ бы въ томъ восторзѣ дѹши съ бѣдною сиротою и самъ зарыдалъ, еслибы не ободрился рѣшительно и не оторвался отъ сѹдорожныхъ объятій лишенной дѣвчины съ тѣмъ обѣщаніемъ, що не за долго посѣтитъ любѹ Ганѹсю въ ей новомъ домашнемъ ѹчрежденіи.

Тая нова опекѹнка Ганѹси была вдова по одномъ совѣтникѹ, — госпожа честна, но прежде весьма горда на свое достоинство, на великое имѣніе и на гожесть своихъ дѣтей: одного хлопчика и одной дѣвчинки. Въ своей надменности такъ далеко постѹпила она, що не хотѣла даже знати бѣднѹ родственницѹ Наталію. Но лихая доля выдерла ей въ теченіи одного года мѹжа и дочь, въ слѣдѹющей весні и сына. Той страшный ѹдаръ непріязненной сѹдьбы привелъ тщеславнѹ Пракседѹ къ той доброй цѣли, що счастливо опамяталась и изъ своей облачной вышины назадъ къ долинѣ низстѹпила. Зачала ѹже часто своихъ родственниковъ посѣщати, где на прелестнѹ дѣв-

чинк8 Анны съ возмагающимися радованїемъ смотрѣла, и даже была изъявила по смерти м8жа Наталїи свое намѣренїе, що взялабы ей дочь до себе воспитанїя ради. (П. с.)

ЛЬВОВЪ 9 (21. Серпня) Нынѣ исполнилось русское сердце упоителнымъ наслажденіемъ, нынѣ праздновали старинного столичного Льва града русскіи чада велелѣпную память возведенія Высокопреосвященного Митрополита кγръ Михаила въ знаменитое достоинство Кардинала, а громогласный отгомонъ приносимыхъ нами чувствъ искреннѣйшей благодарности къ престолу Всевышняго, молніею розходится по всѣхъ странахъ галичско-и угорско-русской братіи! Уже навечеріе 8. Серпня предзнаменовало пришествіе славного торжества и возвратъ послѣдовавшій Высочайшихъ Гостей и Пословъ Его Святости и Его Апостольского Величества изъ Унева, гдѣ возложеніе барэта отбывалось; ибо всѣ рускіи, церкви, здѣшная Консисторія Сѣменище, Ставропигіальное Заведеніе Народный Домъ были ярко освѣтленны, а передъ Митрополичею палатою отъиграла войсковая музыка превосходную симфонію. На завтра толпою горнулись обитатели Львова къ соборной гр. каѳ. церкви св. ВМ. Георгія. По девятомъ часѣ сталъ Его Пресвященство Баронъ Яхимовичъ соборное богослуженіе съ ВП. крылошанами: Полянскимъ, Кузьемскимъ, Лотоцкимъ и Министеріальнымъ совѣтникомъ и поч. крыл. Шашкевичемъ литургисати. Его Еминенція Кардиналъ Князь Шварценбергъ занявши о десную Архіерейскій престолъ, а Его Высокопреподобіе Пралатъ Феліціанжели средѣ церкви устроенное сѣдалище, возносили благопримѣрно свой благовѣйный духъ къ Всевишнему. По лѣвой сранѣ возвышено престолы для Ихъ Преосвященствъ Барона Яхимовича и латинского Епископа Гутковского и сѣдалища для заступниковъ Высокопреосвященныхъ Архіепископовъ латинского и армянского обрядя. По крылосахъ мѣстилась генералиція, правителственыи начальники и краевыи Станы, по чемъ слѣдовалъ латинскій Капитулъ, приходники изъ всѣхъ русскихъ парохій съ своими процессіями, представители всѣхъ сословій и дикастерій, наконецъ численно собравшій ся православный міръ Христіанскій. Пѣніе питомцевъ было превосходное, особенно должно здѣсь отличити управителя хора Коржинского, который два раза выспѣваючи свою бассову мелодію живымъ образомъ давныи воспоминавія славного пѣнія питомцевъ въ насъ возбуждалъ. Послѣ богослуженія кончившагося предъ двонадцатымъ часомъ принимали Высочайшіи Гости въ Митрополичей палатѣ поклоны всѣхъ репрезентантовъ духовного, мірского и войскового чина. Наконецъ представлялъ Его Преосвященство Баронъ Яхимовичъ Ставропигіальное Заведеніе съ Старѣйшиною ВБ. Г. Товарницкимъ на челѣ, который Его Еминенціи Кардиналу Князю Шварценбергъ въ имени русского народа благодарственный адресъ въ нѣмецкомъ и русскомъ языцѣ, а Его Высокопреподобію Пралату Феліціанжели адресъ въ латинскомъ и русскомъ вручилъ.* Высочайшіи Послы благоволили благосклонно тѣ адресы приняти; и обѣтовали Его Святости и Его Апостольскому Величеству Русиновъ чувства искреннѣйшей благодарности и непоколебимой вѣрности лично изъявити. На препышный пиръ въ Митрополичей палатѣ запрошено до сорокъ сановитыхъ особъ. Въ шестомъ часѣ выбирались Высочайшіи Гости въ возвратный путь. Почетна компанія войска съ музыкою и толпа здѣшнахъ жителей заняли площадь св. Георгія. Передъ дворцемъ Митрополичемъ ждали высокій клиръ всѣхъ обрядовъ, генералиція, и мірскіи высокодостойники. Высочайшіи Гости всѣдши въ повозъ медленно провозились площадью, а Его Еминенція Кардиналъ Князь Шварценбергъ благословилъ по обѣимъ странамъ сгромадившійся народъ; мы же Русины сопровождали Ихъ благожелательными гадками, чтобъ здраво и благополучно доставсявъ своясн, Высокому Церковному и державному Престолу наши благодаренія и неразрушимую вѣрность и преданность предложили. Пращаясь съ вѣкопомнымъ для насъ днемъ розходилисьРусины съ радостнослезнымъ сердцемъ, и возносили горячіи мольбы къ Всевышнему; да подасть Богъ сѣдоглавому Митрополиту кγръ Михаилу во здравіе и спасеніе: Многая лѣта! Н. К—ій

* Для важности тѣхъ адресъ, касающихся русского народа будемъ ихъ въ слѣдующемъ числѣ дословно помѣщати

Тγпомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.